

Роман «Первый человек» увидел свет благодаря чуду. А чудо это произошло в результате страшной трагедии. 4 января 1960 года, после приятного ужина на лоне природы, Альбер Камю и его друзья отправились в Париж. За рулем автомобиля «Фасель вега» был Мишель Галлимар, издатель, племянник знаменитого Гастона Галлимара. Возле небольшого бургундского городка Санса, на трассе Националь 5, машина врезалась в платан. Камю погиб на месте, Мишель умер спустя несколько дней. Его жена Жанин и ее дочь Анна выжили. Их собака по кличке Флок убежала и потерялась где-то в лесу. От машины почти ничего не осталось, обломки разбросало на десятки метров. Тем не менее среди этих обломков нашлась кожаная сумка, совершенно не пострадавшая в результате аварии.

В сумке обнаружили экземпляр книги Ницше «Веселая наука», две записные книжки и сто сорок четыре страницы рукописи, озаглавленной «Первый человек». В последние месяцы жизни Камю безотрывно занимался новым романом, который представлял в виде грандиозной эпопеи в духе «Войны и мира», романом о судьбе французов в Алжире. Начиная с лета 1961 года вдова писателя Франсина Камю стала предпринимать попытки напечатать рукопись на машинке – однако это была труднейшая задача, практически сизифов труд, поскольку мелкий, убористый почерк Камю с трудом поддавался расшифровке. Но тем не менее вырисовалась история, глубоко личная, даже автобиографическая, о писателе Жаке Кормери, о его отце, сельскохозяйственном рабочем на востоке Алжира, погибшем в первые недели Второй мировой войны. В заметках к роману, намечая план, Камю написал крупно: «Мобилизация. До того, как отца призвали в армию, он никогда не был во Франции. Он увидел ее и был убит». Родные и близкие Камю решили, что еще не пришло время для публикации этого незаконченного текста. История маленького француза, живущего в Алжире, сироты на государственном обеспечении, пришлось бы нектати во времена, когда Алжир обретал независимость от Франции. К тому же они опасались, что в эпоху торжества экспериментальной литературы критика примет в штыки незавершенный труд в жанре автобиографического романа. И вспомнив вдобавок, что некоторые услышали в присуждении Камю в 1957 году Нобелевской премии похоронный звон по его творче-

ству, предположили, что публикация «Первого человека» может послужить тому подтверждением.

Прошло тридцать четыре года. Мир изменился, и литература тоже. Читателей вновь заинтересовали истории, характеры персонажей, их чувства. Автобиографическая проза перестала быть неудобной. Катрин Камю, дочь Альбера и Франсины, решила начать колоссальную работу: расшифровку последнего текста, написанного отцом. Итогом этого труда стала публикация в 1994 году романа «Первый человек». Успех последовал незамедлительно. Общество задавалось вопросом: как же можно было читать, изучать, толковать Камю, не учитывая это произведение, столь важное для его творчества. Однако роман, состоящий из планов и заметок, оборванных фраз и фраз, растекающихся на несколько страниц, в котором имена персонажей менялись на протяжении всего текста, по-прежнему остается загадкой. Он позволяет нам увидеть литературное произведение в процессе работы, вызывает немедленное желание придумать продолжение, или множество, каждую секунду задает вопросы: а что бы из этого текста автор, известный своим перфекционизмом, вычеркнул, что бы изменил, а что оставил бы в том же виде? Может быть, потому нас так и волнует «Первый человек», роман, прерванный на полном ходу, на пике работы: он дает нам ощущение встречи с Альбером Камю как он есть, без ретуши, без глянца. Он пишет: «Утраченное время удастся вернуть только богатым»: и весь роман — сплошное опровержение этой мысли. Мы заходим в квартиру на Лионской улице в районе Белькур города Алжира, оглядываем три полупустые комнаты, где мать героя в молчании проводит дни, глядя в окошко сквозь жалюзи на бурлящую жизнь. «Первый человек», таким образом, был задуман как поиски утраченного времени для бедных.

Мастерство Жака Ферандеза заключалось в том, чтобы сделать эти поиски наглядными. Мы видим Жака Кормери в каюте корабля, который направляется в Алжир. Он слышит голос бабушки, которая говорит ему таинственные слова: «А Benidor» — это приказ лечь рядом с ней для дневного сна. Мы видим кадр из рисованного фильма, на нем — храпящая бабушка. Рядом с ней маленький мальчик не может уснуть и следит взглядом за мухами. Следующий кадр — в каюте лежит взрослый Жак, рядом с ним — Жак-ребенок... Мухи превращаются в капли пота путешественника, который смотрит в иллюминатор, где, как писал Камю, «пляшут солнечные блики, дробясь в морской воде». Так проходит путешествие из Франции в Алжир, путь между двумя мирами. Дальше мы видим, как юная мать скользит рядом с пожилой женщиной, подросток сопровождает движения взрослого человека. То, что в романе сквозит между строк, переходя от прошлого к настоящему и назад, Ферандез иллюстрирует этими дублирующимися фигурами и наглядно демонстрирует, воплощая основную идею романа: этот мужчина — порождение этого мальчика.

Родство между графическим мастерством Жака Ферандеза и литературным почерком Камю еще и в другом: оба остро чувствуют предметность, «вещность» этого мира. «Он умер. Мне прислали осколок снаряда», – говорит мать, в этом кадре обрисованная лишь темным силуэтом. И художник показывает нам в обратном порядке осколок снаряда, письмо отца («у меня все хорошо») и еще один подлинный документ: военный билет времен Второй мировой войны с пометкой о мобилизации. Таким образом от рисунка к рисунку художник переходит от смерти к жизни отца. Все как бы несерьезно, отнюдь! В нескольких кадрах Ферандез бегло набрасывает сцену званого вечера в редакции Галлимар, где вымышленный персонаж Жак Кормери соседствует с реальными: Жаном-Полем Сартром, Андре Мальро, Гастоном Галлимаром и самим Альбером Камю. В Алжире дети играют на песчаном пляже, делят жареную картошку, плавают в море. Цвета для этого художник заимствует у моря и солнца: голубой и желтый, или сепия, как на старой фотокарточке отца, найденной в ящике. Роман не закончен – а графический роман завершен? Перед Ферандезом стояла сложнейшая задача: передать основной посыл, события романа и при этом сохранить присущий ему дух недосказанности, области тайны. Жанр графического романа подходит для этого идеально. Между двумя картинками – всегда просвет, белое пятно, неизвестность, позволяющая путешествовать вокруг сказанного и увиденного. Жак Ферандез знает наизусть город Алжир, его бедные кварталы, его Ботанический сад, его фонтаны, его пляжи. Но объемность и зримость повествованию придает именно его манера воплощать на бумаге эти пространства разными картинками, большими и маленькими, использовать разные цвета – яркие и сочные или же приглушенные, передавать в диалогах крик и шепот. Как бесконечно тонко: в репликах матери Жака Кормери характеры обозначены однозначно и упрощенно, и это подчеркивает, насколько ей не хватает слов, красноречия, знаний. Жак Ферандез, в одной из своих ипостасей джазовый контрабасист, оставаясь верным духу и букве романа Камю, отдает должное импровизации.

Алиса Каплан,
22 мая 2017 года.

Алиса Каплан родилась в городе Миннеаполисе. Она имеет степень доктора наук и преподает сейчас в университете в Йеле. Известна как автор вышедшего в издательстве Галлимар исторического труда *«По следам «Постороннего»*, рассматривающего весь путь первого романа Камю, от замысла до всемирного успеха.

Рождение

АЛЖИР. ОСЕНЬ 1913

НЕ БОЙСЯ.
ЗДЕСЬ БАНДИ-
ТОВ НЕТ.

ДА ИХ ВЕЗДЕ ХВА-
ТАЕТ, НО У МЕНЯ
ЕСТЬ ТО, ЧТО
НАДО.

ТЫ ПРАВ,
ВЕЗДЕ ПОЛНО
ПСИХОВ.

АНРИ...

У ТЕБЯ ВСЕ ЕЩЕ
БОЛИТ?

ДА...
ОЧЕНЬ.

УЖЕ ПОДЪ-
ЕЗЖАЕМ.

ЕЩЕ КИЛОМЕТР
ОСТАЛСЯ.

ЕДЕМ
ДОМОЙ ИЛИ
В ДЕРЕВНЮ?

ОХ! ДОМОЙ,
КОНЕЧНО,
ЛУЧШЕ!

КОГДА МЫ ПРИЕДЕМ,
Я ПОЙДУ ЗА ДОК-
ТОРОМ.

ДА, НУЖНО
ЗА ДОКТО-
РОМ.

ДУМАЮ,
УЖЕ
ПТОРА.

ОНА ЖДЕТ
РЕБЕНКА...

У ТЕБЯ БУДЕТ МАЛЬЧИК!
КРАСАВЕЦ!

ОНА ТЕБЯ НЕ СЛЫШИТ.
ГЛУХОВАТА.

?

НЕТ. ЕСТЬ ТОЛЬКО ЭТО...

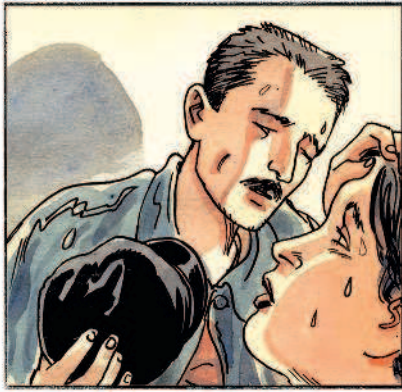
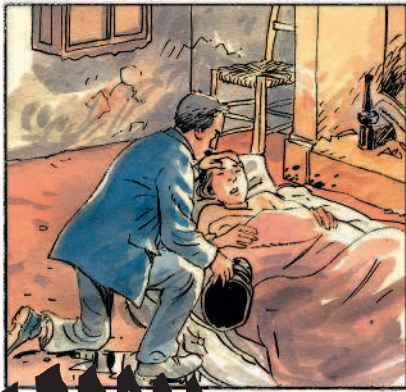

СНИМИ НИЖНЕЕ БЕЛЬЕ...

?

НЕТ, ТЫ ОСТАНЕШЬСЯ ЗДЕСЬ, БУДЕШЬ СЛЕДИТЬ. Я БЫСТРЕЕ ВЕРНУСЬ.

АААААА

АААААА

Я СХОЖУ ЗА СЕДЛОМ.

НЕТ, Я ТАК ПОЕДУ. ЗАНЕСИ ЧЕМОДАНЫ И ВСЕ ВЕЩИ В КУХНЮ. А ЖЕНА У ТЕБЯ ЕСТЬ?

ОНА УМЕРЛА, СТАРАЯ УЖЕ БЫЛА...

А ДОЧКА ЕСТЬ?

НЕТ, СПАВА ВСЕВЫШНЕМУ! НО ЗАТО ЕСТЬ ЖЕНА СЫНА.

СКАЖИ ЕЙ, ПУСТЬ ПРИДЕТ!

ХОРОШО, Я ВСЕ СДЕЛАЮ! ЕЗЖАЙ С МИРОМ!

МАДАМ ЖАК,
ОТКРОЙТЕ!

ЧТО
СЛУЧИЛОСЬ?

Я НОВЫЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ
ИМЕНИЯ САН-АТТОР!

МОЯ ЖЕНА
РОЖАЕТ!
МНЕ НУЖНА
ПОМОЩЬ!

МЕНЯ ЗОВУТ АНРИ КОРМЕРИ. ВЫ МОЖЕТЕ
ПОЙТИ ТУДА, К ЖЕНЕ? Я ХОЧУ ПОЕХАТЬ
ЗА ДОКТОРОМ.

КОНЕЧНО,
МОГУ. ДАВАЙТЕ
БЫСТРЕЕ!

СПАСИБО!

ГДЕ ЖИВЕТ
ДОКТОР?

ИДЕМ.

МНЕ НУЖЕН ДОКТОР. ПОСЛУШАЙТЕ, А ВЫ ОТКУДА? Я НИКОГДА ВАС РАНЬШЕ НЕ ВИДЕЛ!

НЕ ПОНИМАЮ... СОЛЬФЕРИНО - НЕ САМОЕ ПОДХОДЯЩЕЕ МЕСТО, ЧТОБЫ РОЖАТЬ!

Я ЖДАЛ, ЧТО ВСЕ СЛУЧИТСЯ ПОЗЖЕ. НЕ РАССЧИТАЛ.

НУ ЛАДНО. С КАЖДЫМ МОЖЕТ СЛУЧИТЬСЯ. ЕЗЖАЙТЕ, Я СЕЙЧАС ОСЕДЛАЮ МАТАДОРА И ПОСЛЕДУЮ ЗА ВАМИ!

СТРАННЫМ ОБРАЗОМ ВЫ СЮДА ПОПАЛИ. НО ВОТ УВИДИТЕ, ЭТО НЕПЛОХОЕ МЕСТЕЧКО. ЕСЛИ НЕ СЧИТАТЬ КОМАРОВ И МЕСТНЫХ БАНДИТОВ.

И ЗАМЕЙТЕ, НАСЧЕТ КОМАРОВ ДО ВЕСНЫ ВЫ МОЖЕТЕ БЫТЬ СПОКОЙНЫ!

В ОБЩЕМ, НЕ БУДЕМ ЖАЛОВАТЬСЯ, ПРЕДСТАВИМ ТОЛЬКО, КАК ЖИЛИ НАШИ РОДИТЕЛИ. В ВЕЧНОМ СТРАХЕ ПЕРЕД НАБЕГОМ КОЧЕВНИКОВ. ОТЕЦ МНЕ РАССКАЗЫВАЛ...

НЕ ПЕРЕЖИВАЙТЕ, ВСЕ БУДЕТ ХОРОШО!

Я НЕ БОЮСЬ, Я ПРИВЫК К ТРУДНОСТЯМ.

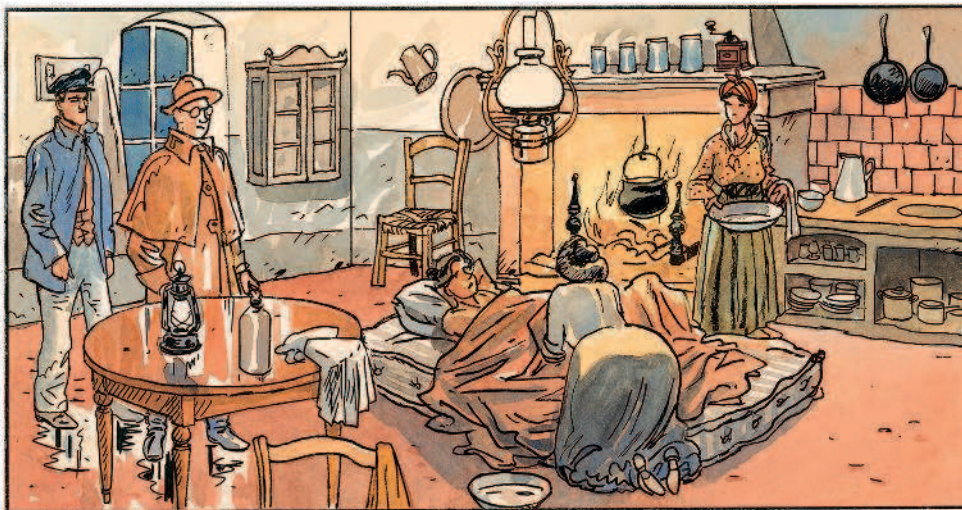
ПРИВЕТ, КАДДУР, КАК ТАМ ДЕЛА?

НЕ ЗНАЮ. Я НЕ МОГУ ЗАЙТИ К ЖЕНЩИНАМ!

НЕПЛОХОЙ ПРИНЦИП!

ОСОБЕННО КОГДА ОНИ КРИЧАТ.

В ВАС БОЛЬШЕ НЕТ НУЖДЫ, ДОКТОР. ВСЕ САМО СОБОЙ ПОЛУЧИЛОСЬ.

НУ, ДОПУСТИМ. Я НАДЕЮСЬ, ВЫ НЕ ТРОГАЛИ ПУПОВИНУ?

НЕТ! НАДО ЖЕ БЫЛО ВАМ ХОТЬ ЧТО-ТО ОСТАВИТЬ.

ОН ПРИШЕЛ?..

ДА. НЕ ВОЛНУЙТЕСЬ, ЛЕЖИТЕ СПОКОЙНО.

ЭТО МАЛЬЧИКИ! ПРОСТО ЗАГЛЯДЕНЬЕ!

